

Маронитский писатель Гавриил Герман Фархат (1670–1732) и его попытки включения сочинений христианских арабских авторов в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы

Н. И. Сериков

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: nikolajserikoff@gmail.com

Резюме: статья посвящена деятельности маронитского патриарха Гавриила Германа Фархата (1670–1732) на ниве арабской библиографии. Автор показывает, что к XVIII в. в арабоязычных литературах Ближнего Востока сочинения открывались двумя типами введений, которые можно определить как «мусульманский» и «христианский». Метаязык, традиционно использовавшийся для написаний введений к мусульманским сочинениям, позволял конструировать названия, которые легко встраивали сочинение в исторически сложившийся «виртуальный каталог» написанного. Метаязык, на котором были написаны введения в христианской арабской среде, нередко был совершенно иным, так как авторы сочинений традиционно ориентировались на византийские образцы. Поэтому в арабоязычном библиотечном мире Средневековья обе отмеченные традиции существовали, не пересекаясь. Фархат, будучи библиофилом и библиотекарем, в своих сочинениях предложил организовывать введения к христианским текстам на мусульманский манер, но при этом сохранять их христианское наполнение. Будучи построенными таким образом, введения к христианским сочинениям сообщали читателю тот же набор информации, что и введения к сочинениям мусульманским, и, следовательно, могли быть отнесены к соответствующему классу и/или разряду, т.е., иными словами, оказывались встроенными в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы.

Ключевые слова: Фархат, ал-, Джibri`ил Джарманус (1670–1732); сочинения средневековые на арабском языке, христианские, введения к ним; сочинения средневековые на арабском языке, мусульманские, введения к ним; *басмала*; *тахмид*; *ибтида*; сочинения средневековые на арабском языке, заглавия к ним; мусульмане, христиане, контакты, Новое время

Для цитирования: Сериков Н. И. Гавриил Герман Фархат (1670–1732) и его попытки включения сочинений христианских арабских авторов в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы. *Ориенталистика*. 2020;3(1):143–159. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Maronite writer Jibri`il Jarmanus Farhat (1670–1732) and his attempts to include the works of Christian Arab authors in the “virtual catalogue” of Arabic Muslim literature

N. I. Serikoff

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: nikolajserikoff@gmail.com

Abstract: the article deals with the activities of the Maronite patriarch Gabriel German Farhat (1670–1732) in the field of the Arab bibliography. The author argues that by the 18th century AD in the Arabic-speaking literature of the Middle East, were used two types of introductions to the written texts, the Muslim and the Christian. The metalanguage, which was employed by Muslim authors in the introductions to their texts, was very convenient for constructing book-titles that by themselves built the “data base” of the so-called the Arabic Islamic “virtual catalogue”. The metalanguage used by Christian authors was different, and therefore in the library world of the Middle Ages two traditions were incompatible and therefore existed without intersecting. The Maronite Patriarch Gabriel German Farhat, being a bibliophile and a librarian, in his writings proposed organizing introductions to Christian texts in a Muslim manner, however, preserving their Christian content.

Keywords: Farhat, al- Jibri`il Jarmanus (1670–1732); Arabic medieval works by Christian authors, introductions to; Arabic medieval works by Muslim authors, introductions to; *basmala*; *tahmid*; *ibtida*; titles, Arabic, medieval; Muslims, Christians, contacts between

For citation: Serikoff N. I. Maronite writer Jibri`il Jarmanus Farhat (1670–1732) and his attempts to include the works of Christian Arab authors in the “virtual catalogue” of Arabic Muslim literature. *Orientalistika*. 2020;3(1):143–159. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159.

Введение

Маронитский¹ архиепископ Алеппо, арабский христианский автор XVIII в., Гавриил Герман Фархат (Джибри`ил Джарманус Фархат), – выдающееся явление новой арабской литературы. По мнению авторитетных исследователей, он был одним из тех, кто своими трудами подготовил литературное возрождение XIX в. в арабских странах [2, с. 217–220; 3, с. 131–132].

Фархат родился в Алеппо 20 ноября 1670 г. и умер там же 10 июля 1732 г. Он происходил из состоятельной маронитской семьи и при рождении получил имя Матар. В Алеппо, который в XVII в. был одним из очагов

¹ Марониты – этноконфессиональная группа ливанских христиан, которые относятся к католикам восточных обрядов. Говорят на арабском языке, основным языком богослужения является арамейский. См.: [1].

арабской культуры, Фархат, очевидно, получил хорошее образование. Среди его учителей, как христианских, так и мусульманских ученых, И. Ю. Крачковский перечисляет Бутруса ал-Тулави, ритор Яа`куба ад-Дибси и Сулаймана ан-Нахви ал-Халаби. В 1693 г., постригшись в монашество под именем Джibri`ила (Гавриила), Фархат переселился в Ливан, в монастырь Св. Мавры, где пользовался покровительством маронитского патриарха Стефана ад-Дувайхи (1630–1704). Через четыре года он сделался настоятелем монастыря. В зрелом возрасте, в 1711–1712 гг., он предпринял путешествие и побывал в Риме, на Мальте, в Сицилии. Помимо сирийского и арабского языков, Фархат знал латынь и итальянский, что позволяет ставить его в один ряд с европейскими учеными, его современниками. Во всяком случае, А. Е. Крымский замечает, что на Фархата-грамматиста оказала влияние европейская грамматическая традиция [3, с. 137]. Сам Фархат, помимо чисто церковных дел, интересовался литературой и языковедческими исследованиями, о чем свидетельствует его разнообразное литературное наследие. Помимо *Дивана*, ему принадлежат арабский лексикон и разнообразные грамматические сочинения. Последние, написанные в форме учебных пособий, просуществовали в сирийских школах свыше 200 лет и использовались вплоть до середины XX в.

Тот факт, что Фархат обратился к проблемам языкознания, не был случайным: современные ему христианские арабские авторы, равно как и их предшественники, нередко писали на безграмотном с точки зрения мусульманских грамматистов арабском языке. Следы «вульгарного» христианского арабского языка были не так давно собраны и в виде соответствующих исследований². «Исправление» языка своих единоверцев и выработка норм «классически хорошего, но не вычурного арабского языка» [3, с. 133] были в числе основных задач как Фархата-клирика, так и Фархата-литератора. Однако литературным творчеством многогранная деятельность Фархата не ограничивалась. Известно также, что он был толковым библиотекарем и собрал богатую библиотеку рукописных книг, которая намного пережила самого собирателя. Во всяком случае, она существовала еще в 1890-х гг., о чем упоминается в знаменитой «Истории мусульманской культуры» Джурджи Зейдана [2, с. 218].

Срок жизни частной библиотеки, измеряемый столетиями, уже говорит о выдающихся заслугах в этой области Фархата-библиотекаря и библиографа. Тем не менее в литературе эта сторона его деятельности не получила соответствующего освещения. Настоящая статья ставит своей целью рассмотреть лишь один из ее аспектов: организацию арабской христианской библиографии, а точнее – предложенные Фархатом способы включения христианских сочинений на арабском языке в мусульманский «виртуальный каталог».

² Упомяну лишь некоторые: [4; 5; 6; 7].

Средневековый мусульманский арабский «виртуальный каталог»

Распространенное ныне явление «библиотечный виртуальный электронный каталог» – молодое, ему от силы три-четыре десятка лет. Оно включает в себя, в частности, принципы, которыми пользуются библиотекари в различных странах для однообразного описания книжных фондов и прочей интеллектуальной продукции на различных носителях, как бумажных, так и электронных. Эти принципы включают общепринятые коды, которыми пользуются для ввода, размещения, а также выдачи информации. Коды – это «метаданные», т.е. «информация об информации». Именно они помогают группировать сочинения, быстро находить интересующую книгу / текст и, в частности, при необходимости облегчать расстановку книг и физическую или электронную их доставку читателям. Виртуальный каталог удален от пользователя, однако последний обыкновенно имеет к нему круглосуточный доступ посредством компьютера. Как и в случае обычного библиотечного «карточного» каталога, виртуальный каталог зиждется на определенной системе, положенной в основу классификации текстов.

Системы классификации текстов разрабатывались с древности, но все они были несовершенны, обычно в силу того, что количество выделенных заранее рубрик не удовлетворяло разнообразию создаваемых текстов. На протяжении столетий человечество не раз пыталось придумать универсальный принцип классификации, который позволял бы вводить новые рубрики, не меняя старые. Самым удачным стал принцип, придуманный уже в XX в. библиотекарем Армхертского колледжа³, Мелвилом Дьюи (M. Dewey, 1851–1931) [8], впоследствии названный «десятичной классификацией Дьюи». Главной его особенностью была особенная таксономия, позволявшая бесконечно добавлять классификационные разделы и подразделы. Не так давно было показано, что средневековые арабские библиотекари использовали для классификации сочинений сходные принципы почти за 1000 лет до М. Дьюи – в X в. н.э. На первом месте среди арабских библиотекарей стоит автор *Китаб ал-Фихрист*, багдадский *варрак* (продавец книг и библиотекарь) Абу-л-Фарадж Мухаммад ибн Аби Йа`куб ибн Исхак ан-Надим, известный более как «Ибн ан-Надим» (ум. 990 г.) [9]. Он гениально улучшил арабскую систему книжных титулов, сделав их легкими для цитирования. Тем самым он упорядочил библиотечный «метаязык», складывавшийся к тому времени спонтанно в среде писателей и книготорговцев. «Метаязык» использовал для заглавий сочинений ограниченный набор слов и терминов, что вполне подпадает под используемое в наши дни в библиотековедении определение «нормированной лексики». Однако число комбинаций этих слов было бесконечным, что позволяло описывать (и тем самым выделять) новые классы.

³ Частный гуманитарный университет в г. Амхерт (Массачусетс, США).

К XVII–XVIII вв. на мусульманском Востоке принцип распределения сочинений по классам (чем, в частности, прославился Ибн ан-Надим) был отработан многими поколениями авторов и для пишущих являлся уже чем-то самым собою разумеющимся. Главным элементом было, конечно, название текста, заглавие. Однако «нормированная лексика», употреблявшаяся при составлении названия, была ограничена и давала представление о сочинении лишь в самых общих чертах. Для того чтобы включить в описание сочинения больше информации о нем самом, требовался иной инструмент, каковым явилась *ал-мукаддима* («введение» или «предисловие»). *Мукаддимой* обычно открывалось каждое мусульманское сочинение. Как правило, она состояла из пяти компонентов и тем самым подразделялась на пять частей, вкратце сообщавших читателю хотя и разнородную, но важную с библиографической точки зрения информацию. В этом смысле *мукаддима* (введение) была идентична «библиографической карточке», тому самому листочку бумаги, который всего каких-нибудь тридцать лет назад почти безраздельно господствовал в каталогах мировых библиотек.

В случаях с библиографической карточкой дело обстояло просто. На ней сухо указывалась информация, включавшая имя автора, тип и предполагаемую аудиторию его сочинения, выходные данные самой книги и библиотечный шифр. Аналогичным образом достаточно было прочесть одну или две страницы введения в мусульманское сочинение, и, имея представление о профессиональном библиотечном жаргоне, которым пользовались из поколения в поколение мусульманские интеллектуалы, можно было без чтения самого текста составить исчерпывающую о нем информацию. Обрисуем эти части.

Введение (предисловие) к мусульманскому сочинению открывало славословие Всевышнему, так называемая *басмала* (1.). Мусульманская *басмала*, звучащая как *бисм-иллахи-р-рахмани-р-рахими* («Во имя Бога, милостивого, милосердного»), как правило, указывала на вероисповедание писавшего. Последний факт подчеркнул ученый клирик XVII в. Макарий, патриарх Антиохийский (ум. 1672), приведя любопытный способ перетолкования мусульманской *басмалы* на христианский манер [10; 11]. Примечательно, что и в христианских сочинениях мусульманская *басмала* также нередко использовалась [12, р. 41; 13].

За *басмалой* шло восхваление (2.) Всевышнего, так называемый *тахмид* (от слов *ал-хамду-ли-ллахи* – «слава Богу»). Как мне удалось показать [14], функции *тахмида*, в котором перечислялось все то, что сотворил (применительно к описываемому сюжету) Всевышний, были идентичны функциям «предметной рубрики» (= ключевые слова) новейшего библиографического описания⁴.

⁴ Ср. также: [15, paragraph 26–28].

Затем следовал раздел, вводимый словами *амма ба`ду* (т.е. «а затем:»). Он включал полное имя сочинителя (3.), нередко предваренное словом *قال* (досл. «сказал»). Это слово в арабской организации текста играло роль нашей красной строки и образовывало новый «абзац». За именем сочинителя в лучших традициях Аристотелевой поэтики следовало данное «широкими мазками» изложение тематики сочинения, которое нередко завершалось перечнем глав (4.).

В конце введения обычно стояли слова *ва саммайту-ху* (досл. «я назвал его», т.е. сочинение), за которым следовало собственно название (5.). Как мне удалось показать [9, с. 456–473], название арабского мусульманского сочинения непосредственно не сообщало, о чем в сочинении пойдет речь. Оно представляло собою набор «метаданных», или код. В силу формальности компонентов этого кода, он не был лексически напрямую связан с содержанием сочинения, а поэтому часто не поддавался вразумительному переводу. Тем не менее он мог всегда быть объяснен логически. В этом смысле название сочинения, переданное этим кодом, было идентично библиотечному классификационному шифру позднейшего времени.

Таким образом, чтобы понять, о чем могла идти речь в сочинении, необходимо было читать, а вернее, толковать название с «конца», т.е. со второй части, которая обыкновенно вводилась предлогом *фи*. Здесь заметим, что арабский предлог *фи* следует переводить не традиционно – «в», а «относительно». Вторая часть названия указывала на тематику сочинения, в то время как первая часть, нередко выраженная словами вроде «капли», «луга», «сливки», «жемчужины» и т.п., очерчивала тип отбора представленного материала. Используя европейскую терминологию, в этом случае нужно было бы говорить о такой категории, как «жанр» сочинения. Также нередки случаи, когда вместо предлога *фи* стоял союз *ва* («и»). В этом случае он связывал две категории «жанров», в которых, по мнению автора (или библиографа), было написано сочинение⁵.

В качестве иллюстрации к сказанному выше приведем название известного сочинения Авиценны «Ал-Канун фи-т-Тибб». По традиции его переводят как «Канон врачебной науки». Вторая часть названия (*тибб*) указывает на то, что сочинение написано на медицинскую тематику, а первая уточняет жанр. Использованное здесь слово *канон* должно быть истолковано как «основные правила и нормы».

На основании приведенного примера нетрудно видеть, что двухчастное название было весьма удобно. Прежде всего, его можно было сокра-

⁵ Такое название предпослано, например, известному сочинению ал-Мас`уди «Мурудж аз-захаб ва ма`адин ал-джаухар», известное в русском переводе как «Промывальни золота и копи драгоценностей». Слова «промывальни» и «копи» указывают на тип антологии, а «золото» и «драгоценности» – обозначение для правителей в языке-коде арабских заглавий.

щать, превращая в «обрезный титул»⁶ путем присовокупления к названию жанра имени сочинителя: *Ал-Канун ибн Сина* («Канон» Авиценны). Ограниченный набор слов, следовавших за предлогом *фи*, позволял легко группировать сочинения по темам. Более разнообразный набор «жанровых» определений, предшествовавших предлогу *фи*, позволял осуществлять группировку по типам изложения материала. Заметим также, что использование заглавий-кодов имело и большую практическую выгоду, а именно обеспечивало удобную топографию, т.е. расстановку книг на полках.

Расстановка выглядела так. Сначала сочинения расставлялись по темам (медицина, право, *адаб* и т.п.), а внутри каждой темы в алфавитном порядке. Расстановка в алфавитном порядке зиждилась на основании слов, которые обозначали жанры, вроде «луга», «капли», «жемчужины», поэтому фактически это была расстановка по жанрам. Разумеется, в каждой конкретной библиотеке системы могли варьироваться, но принцип был неизменен. Примечательно, что принцип композиции мусульманского названия сочинения, сопряженный с «регулируемой» лексикой, применявшейся в этом случае, был чрезвычайно гибок. Во-первых, для классификации сочинений использовали известные и часто встречающиеся слова («капли», «роса», «луга»), которые были отлично знакомы практически всем пишущим, независимо от уровня их образования. Во-вторых, слова-коды не стояли в жесткой грамматической зависимости одно от другого, но путем всевозможных комбинаций могли образовывать самые причудливые сочетания, что помогало передавать все, в том числе весьма тонкие, нюансы⁷. Таким образом, всякий пишущий, озаглавливая свой текст, невольно вносил свой вклад в создание арабского мусульманского «виртуального каталога» написанных сочинений.

Необходимо также подчеркнуть, что введения к сочинениям, как, впрочем, и их названия, не обязательно принадлежали перу их авторов. Они могли создаваться или присовокупляться другими людьми, например библиотекарями или книготорговцами, уже после того как само сочинение было написано [16, S. 170] (см. также в связи с этим: [19, с. 97–104]). Более того, написание введения порой становилось насущной необходимостью, в частности – в случае утраты первых и последних листов (см.: [20, WMS Arabic 447, fol. 1b–2a⁸]).

Универсальность и абстрактность арабского мусульманского названия сочинения объясняет еще один интересный феномен мусульманской литературы. Так, одно и то же название могло быть у разных сочи-

⁶ То есть название, написанное на обрезе книги, см.: [16, S. 163–171].

⁷ См., например, как ведет себя в арабских названиях слово *معرفة: معرفة العين وطبقاتها* [17 (SB 3), S. 971] *بستان العارفين في معرفة الدنيا* [17 (SB 3), S. 830]. Более подробно см.: [18, S. 13–57].

⁸ Лист 1a был утерян и заменен читателем, а не профессиональным писцом.

нений⁹, равно как порою одно и то же сочинение могло бытовать под несколькими названиями. Это явление невозможно представить себе в европейской литературе. Между тем, если принять во внимание тот факт, что название мусульманского сочинения было сродни классификационному шифру в европейских библиотеках и могло присваиваться сочинению как самими авторами, так и библиотекарями, то феномен находит логическое объяснение. Действительно, в различных библиотеках одно и то же издание (сочинение) могло стоять (и стояло!) под различными шифрами. Равным образом один и тот же библиотечный шифр мог быть присвоен нескольким сочинениям.

Тот факт, что языком абстрактной библиотечной терминологии («луга», «сады» и т.п.) в мусульманской культуре был арабский, объясняет и то, что очень часто арабским названием и введением снабжались сочинения, написанные на других языках мусульманского мира, например на персидском, турецком, или даже белорусском. Этим самым они включались в контекст мусульманской многонациональной и многоязычной культуры и литературы.

Арабы-христиане и мусульманский «виртуальный» каталог

Арабским языком наряду с мусульманами пользовались и пользуются также другие социальные и религиозные группы ближневосточных обществ, в первую очередь арабы-христиане. Анализ введений к арабским христианским сочинениям, предпринятый с тех же позиций, что и анализ введений к мусульманским сочинениям (см. выше), выявил примечательную особенность. Получилось, что введения к христианским сочинениям содержали те же пять главных компонентов, что и введения к мусульманским сочинениям, однако последовательность этих компонентов внутри одного введения, способы их включения в текст и их наполнение весьма различались. Приведем примеры.

Текст христианского сочинения открывала христианская *басмала* (1.), которая, как правило, содержала чаще всего упоминание Св. Троицы. Вот пример из сочинения христианского автора X в. Абдаллаха ибн ал-Фадла: *بسم الاب والابن والروح القدس الاله واحد*: («Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единого Бога») [21, В 1219, fol. 39a.1].

За басмалой следовала так называемая *ибтида* (2.). Так я обозначаю устоявшееся выражение, основными компонентами которого были слова: «начинаем... писать»: *نبتدي بمعونة الله وارشاده وحسن توفيقه نكتب*: («При помощи Всевышнего, под Его руководством и с его поспешествованием начинаем писать...») [21, В 1219, fol. 39a.2].

В мусульманском сочинении формула *ибтида* отсутствовала. В христианском на *ибтида* лежала особая функция: она вводила название (3.)

⁹ См., напр., название сочинения *ارجوزة في اصول الدين*, которое в арабской литературе встречается около десяти раз: [17 (SB 3, S. 1154)].

самого сочинения. Мусульманские названия, особенно с предлогом *фи*, были компактны и гибки. При необходимости они могли быть сокращены таким образом, чтобы поместиться на обрезе или корешке книги. Напротив, названия христианских сочинений были, как правило, длинными и помимо самого названия нередко содержали краткую характеристику сочинения (4.), историю его написания и имя сочинителя (5.):

مقاله تشتمل علي معانى نافعه للنفس وهى اجوبه عن امور يكثر الناس من السؤال عنها والمعارضه فى معناها استخرجها من اقوال الابا القديسين والفلاسفه المفضلين الفها عبد الله ابن الفضل الكاتب («раздел (*макала*), содержащий душеполезные мысли (*ма`ани*), которые являются ответами на вопросы, задаваемые людьми, и противоречия касательно содержащихся в них идей. Все это было “выжато”, извлечено из сказанного Св. Отцами и благородными избранными [Богом] философами. Сочинение скомпоновал его автор, Абдаллах ибн Фадл») [21, В 1219, fol. 39a.3 sqq.]. Приведенное название еще не самое длинное. Многие включали куда больше деталей¹⁰, становясь, таким образом, по меткому замечанию советского историка культуры прошлого века С. С. Аверинцева, «словесным жестом» и «изготовкой к долгому рассказу» [22, с. 221], что было характерно для византийской литературы. Итак, как видно из приведенного примера, во введении содержится указание на «жанр» сочинения (*макала*), описание содержания. Также перечислены источники, указано имя сочинителя. Также процитирован «шифр книги» – название сочинения.

По сравнению с введениями, составленными мусульманскими авторами, в текстах их христианских коллег наблюдается отсутствие четкой структуры. Прежде всего, нет важной составляющей – *тахмида*. Как результат, отсутствует или «размыта» та часть введения, которая призвана содержать ключевые слова. Слишком длинное название сочинения не могло быть использовано как классификационный шифр сочинения и тем более быть сокращенным таким образом, чтобы, не теряя своего смысла, быть проставленным на обрезе книги. Излишне говорить,

¹⁰ Ср. полное название книги «Иосиппон» [21, В 625, fol. 1b.2 sqq]:

اول كتاب العبرانيين المسمى كتاب المكنيين المنسوب الى ايوبيوس ويسمى يوسف بن كرون وابتداه ذكر اخبار ملوكهم والحوادث التي كانت فى ايامهم منذ عمارة البيت فى ايام عزرا لما انحدد الشعب من بابل الى ان خرب البيت والمدينه اعنى بيت المقدس وجلوا منه فى ايام سوساسيانوس وتيطس ابنه ملوك الروم وقد جمع المصنف صاحب الكتاب جميع ذلك وفضلته الى ثمانيه اجزا لكونه كان يجمع الاخبار عند حدوثها زمانا بعد زمان الى غاية الامر ونسال التوفيق فى الهداية لما يرضيه امين («Первая книга [истории] евреев, называемая книгой Маккавеев, [авторство] приписывают Иусибусу, которого [иначе] звали Йусуф б. Куриун. В ее начале сообщение о том, что рассказывают про их царей, а также события, которые случились во дни их [правления], начиная со строительства “Дома”, приключившееся во время правления Ездры. [Это случилось], когда народ вернулся из Вавилона в разрушенный “Дом” и “Город” (я имею в виду Иерусалим). И овладел им во дни [правления] Веспасиана и сына его, Тита, царей ар-Рум. Автор книги собрал все эти сведения и разделил их на восемь частей. Он собирал сведения одно за другим в их хронологической последовательности, пока не достиг совершенства в своем начинании. Просим споспешествования в руководстве, так, чтобы Он был доволен»).

что мусульманский библиотечный «метаязык» в названии произведения также часто не использовался.

Продолжая сравнение введения к арабскому сочинению с «библиографической карточкой», можно сказать, что «библиографические карточки» в арабо-мусульманской и арабо-христианской традициях были несовместимыми. Вводимые ими сочинения, таким образом, оказывались выведенными за рамки арабоязычной мусульманской или, соответственно, христианской культуры Средневековья. Сочинения христианских авторов было нелегко цитировать по сокращенному названию, и их тематика не описывалась привычным для мусульман набором слов-кодов.

Однако так обстояло дело не со всеми сочинениями, написанными христианами. Многие популярные сочинения христианских арабских авторов, например, «Диван» самого известного омейядского поэта ал-Ахтала (VII в. н.э.) [21, D 164], а также медицинские сочинения, например «Акрабадин ал-Акрабадинат» Дауда ибн Насра ал-Агбари ал-Мавсили (XV в.) [21, с. 642], «ал-Сафва» Абу Насра ибн ал-Масихи (ум. 1223) [18, Cf. WMS Arabic 420] и т.п., были снабжены мусульманской «библиографической карточкой», т.е. вводились на мусульманский манер, имея при себе *тахмид* и прочие атрибуты, присущие мусульманским введениям, и – что особенно важно – мусульманскую *басмалу*. Последний факт недавно обратил на себя внимание исследователей, однако однозначного ответа на него дано не было¹¹.

Наличие мусульманского типа введения у христианских сочинений, как становится очевидным теперь, скорее всего, связано с осознанным желанием их сочинителей (или библиотекарей) включить данное сочинение в «мусульманский виртуальный каталог» и тем самым обеспечить ему более широкую аудиторию.

Отмеченное явление – наличие христианского и мусульманского типов введения («библиографической карточки»), на мой взгляд, является важным водоразделом, который помогает разграничить, какие, собственно, тексты современники относили к христианской литературе, а какие, несмотря на то что они были написаны христианами, тем не менее считались принадлежащими мусульманской письменной культуре. На место субъективных критериев¹², таким образом, приходят объективные.

¹¹ С. Робин пишет: “Toutefois, dans la mesure où ces lectures sont attestées, il faut bien considérer que lorsque des chrétiens emploient cette formule, ils le font non comme un signe d’allégeance au conquérant musulman, mais bien comme une formule exprimant (et éventuellement à plusieurs niveaux) leur foi de chrétiens, la foi de l’Eglise” [13].

¹² См., например, в работе К. Броккельмана: “Soll indes unser Buch nicht ins Masslose wachsen, so muss dieser gewaltige Stoff doch begrenzt werden. Werke von Christen und Juden, die sich des Arabischen nur im Interesse ihrer Konfessionen bedient haben, scheiden aus unserer Betrachtung aus. Dichter und Literaten aber, die sich mit ihren Werken nicht nur an ihre Glaubensgenossen wandten, müssen auch hier ihren Platz finden” [17, S. 2].

Гавриил Герман Фархат между христианской и мусульманской литературами

Новейшие исследователи творчества Фархата отмечали одну важную особенность его творческого метода. Исследование *Дивана* Фархата показало, что «с литературной точки зрения его продукция интересна как систематическая попытка применить формы арабской поэзии к специфически христианским сюжетам, например, *газель* – к гимнам Марии, *хамрийат* к причастию и т.д.» [2, с. 219]¹³.

Аналогичную попытку находим мы в организации введений к сочинениям Фархата. В качестве примера приведем важные элементы введения к его сочинению по арабской грамматике под названием «Бах ал-маталиб ва-хас ал-талиб», написанного в 1705 г.¹⁴ Как и другие тексты по грамматике, написанные Фархатом, этот также призван быть инструментом для исправления арабского языка единоверцев Фархата. Текст разделен на «исследования» (بحوث) и проблемы (مطالب); каждый параграф имеет дело с каким-нибудь одним аспектом арабского языка. Трактат неоднократно переписывался и был издан отдельной книгой в 1836 г. на Мальте.

Введение к трактату Фархата содержит все элементы, присущие мусульманским введениям. Оно начинается с *басмалы* (1.), затем следует *тахмид* (2.) и «воззвание к Пророку». Раздел *амма ба`ду* (3.) содержит имя сочинителя (4.) и изложение причин написания сочинения. Заканчивается введение формулой *ва-саммайту-ху*, за которой следует название (5.).

Вот как они звучат:

Басмала (1.) «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Единого Бога»

(بِسْمِ الْاَبِ وَالْاَبْنِ وَالرُّوْحِ الْقُدُسِ الْاِلَهِ الْوَاحِدِ).

Тахмид (2.) «Хвала Всевышнему, который Словом Своим улучшил души, пребывающие в нужде и Силою Своею разграничил дела достойные и недостойные»

Воззвание к Пророку «И упадем ниц перед Сыном Его, Иисусом Христом, Единым, вочеловечившимся, наисвятейшим... и да СвятитсЯ Дух СвятыЙ, Который правит тварями наилучшим образом, и Слава Пресвятой Троице – Единосущному Богу! (والسجود لابنه يسوع المسيح الوحيد المتجسد) اقدس حله... والتقدیس للروح القدس الذى يدبر الكائيات باحسن خلة والتعظيم للتالوث الاقدس رب الذات الواحد

Амма ба`ду (3–4.). Это выражение вводит полное имя автора и объяснение тому, что послужило причиной к написанию сочинения. «Итак,

¹³ Подробнее см.: [23, с. 100–112].

¹⁴ По рукописи 1857 г. из библиотеки университета Св. Духа в Каслике (Ливан) – MS 147 (старый шифр), л. 16–2а. См.: <https://www.wdl.org/ru/item/7058/view/1/6/>

[кавычки / красная строка¹⁵] (4.) “Гавриил Фархат, священнослужитель, алеппинец, маронитский монах, ничтожный бедняк, ищущий утешения в чине ливанских монахов, которые живут в схиме Св. Антония Великого”».

اما بعد فيقول العبد المفتقر الى ربه ... جبرييل
فرحات القس الراهب الحلبي الماروني الحقيير المنضوى تحت قانون الرهبان
اللبنانيين المتوشحين باسكيم القديس انطونيوس الكبير

Когда я заметил, что для христиан явилось благотворным знание правил и основ грамматики...

لما رايت اقتبال المستفيدين من
المسيحين منصبا نحو معرفة القواعد العربية والاصول النحوية

Va sammaytu-xu (5.) «И я отнес это сочинение к классу “Исследование причин и стимулирование учащегося”»

وسميته بحث المطالب وحث الطالب

При ближайшем рассмотрении оказывается, что хотя элементы введения расположены в том же порядке, который был принят и у мусульман, их «наполнение» тем не менее чисто христианское.

Басмала (1.) христианская: упомянута Св. Троица. *Тахмид* (2.) содержит принятую в арабской книжной традиции (независимо от вероисповедания пишущего) игру слов. Так, термин «слово» (в выражении *بكلمته*) в христианском арабском языке имеет значение «Слово [Господне]», но первым (словарным) значением остается просто «слово», что в данном контексте указывает на филологическое сочинение. Равным образом глагол «разграничил» (*اعرب*) имеет смысл «сделал ясным», «изложил по-арабски» (т.е. «ясно») или «сделал полный грамматический разбор, т.е. снабдил значками огласовки». Таким образом, эти два слова указывают на тематику сочинения – грамматическое разъяснение [арабских] слов¹⁶. Уточнение тематики достигается введением противопоставления прилагательных «достойный» и «недостойный», дословно «здоровый» и «больной» (*السالمه والمعتلة*).

На том месте, где у мусульманских авторов обыкновенно стоит формула воззвания к Пророку Мухаммаду «и молитва Лучшему Творению [Его] Мухаммаду и Преславному Семейству его» (*والصلاة علي خير البرية محمد*) (*واله الطيبين الطاهرين*), Фархат помещает воззвание к Иисусу Христу (в котором мусульмане, кстати, видели одного из пророков), соответственно Св. Духу, соответственно Св. Троице, т.е. Единому Богу. Формула *амма ба`ду* (3–4.) вводит полное имя автора, которое дано с указанием его вероисповедания и церковного чина. В обосновании необходимости

¹⁵ Арабское *فيقول* играло роль кавычек и красной строки в европейской организации текста.

¹⁶ Ср.: *тахмиды*, приведенные в работе: [24, No 6829, 8492, 6586, 6757, 2693, 5447 (для слова *كلمة*) и 6649, 6792, 8658, 8644 (для слова *اعرب*)]. Все они вводят сочинения, имеющие отношение к филологическим наукам.

составления трактата еще раз упоминаются «христиане» и правила арабской грамматики (القواعد العربية والاصول النحوية). Наконец, название (5.) сочинения составлено вопреки арабо-христианской, но согласно арабо-мусульманской традиции. Оно срифмовано и содержит специфически отобранные компоненты. Так, слова المطالب и الطالب связаны с корнем, выражающим идею «поиска» и «изучения». Причем слово مطلب (здесь оно стоит в форме множественного числа) имеет значение «потребность» и «вопрос [исследования]»). Помимо того, что название содержит круг идей, связанных с процессом обучения, оно начинается со слова بحث. Значение его – «поиск, исследование». Однако оно также относится к словам, обозначающим определенный «жанр» сочинения, написанного по-арабски. Оно неоднократно встречается и в заглавиях других сочинений¹⁷. Теоретически название могло быть сокращено до его «обрезного» типа и звучать как بحث لفرحات.

Заключение

Рассмотренный пример введения к популярному грамматическому трактату Гавриила Фархата позволяет сделать следующее заключение. Прежде всего, что к XVIII в. в сочинениях, написанных по-арабски, налицо были два четко сложившихся типа введения к сочинению, являвшихся одновременно его библиографическим описанием, – христианский и мусульманский. Эти два типа не пересекались, что позволяет видеть в них один из четких водоразделов между христианской и мусульманской литературами, написанными на одном языке – арабском.

Вполне очевидно, что эта особенность не могла пройти мимо внимания образованного литератора, маронитского патриарха Гавриила Германа Фархата, стремившегося к «исправлению» арабского языка своих единоверцев, т.е. приведению его в соответствие с нормами арабского литературного языка мусульман. На этом фоне не представляется случайным приведенный здесь образец введения к тексту, хотя и имеющий христианское «наполнение», но составленный по мусульманским нормам. Эти нормы способствовали включению любого сочинения, в том числе и христианского, в «виртуальный каталог» мусульманской арабской литературы.

Литература

1. Родионов М. А. *Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья*. М.: Наука; 1982.
2. Крачковский И. Ю. Фархат. В: Крачковский И. Ю. *Труды по истории и филологии христианского Востока*. М.: Восточная литература; 2015. С. 217–220.

¹⁷ См. частичный перечень у К. Брокельмана [17 (SB 3), S. 821].

3. Крымский А. Е. *История новой арабской литературы*. М.: Наука; ГРВЛ; 1971.

4. Graf G. *Der Sprachgebrauch der ältesten christlich-arabischenn Literatur: ein Beitrag zur Geschichte des Vulgär-arabisch*. Leipzig: O. Harrassowitz; 1905.

5. Lentin J. *Recherches sur l'histoire de la langue arabe au Proche-Orient à l'époque moderne*. Thèse de doctorat en Orient Monde Arabe. Paris: Univ. de Paris III; 1997.

6. Лебедев В. В. *Поздний среднеарабский язык (XIII–XVIII вв.)* М.: Наука; 1977.

7. Петрова Ю. І. Мовні особливості арабо-християнської літератури османської епохи. *Східний світ*. 2015;3:49–60. DOI: [10.15407/orientw2015.03.049](https://doi.org/10.15407/orientw2015.03.049).

8. Шамурин Е. И. *Систематический каталог и его организация*. М.: Типо-лит. им. Воровского; 1936.

9. Сериков Н. И. Почему Ибн ан-Надим взялся за составление «Китаб ал-Фихрист»? В: Седов А. В. (ред.) *Исследования по Аравии и исламу. Сб. статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского*. М.: Государственный музей Востока; 2014. С. 456–473.

10. Сериков Н. И. Слова со скрытым значением. Из Записной книжки патриарха Макария Ибн аз-За'има. *Христианский Восток*. 2002;3:297–307.

11. Walbiner C. M. Eine christlich-arabische (Um-)Deutung der muslimischen Basmala. In: Koulayan N., Sayah M. (eds.) *Synoptikos. Mélanges offerts à Dominique Urvoü*. Toulouse: CNRS – Université de Toulouse; 2011. P. 567–572.

12. Treiger A. From Theodore Abu Qurra to Abed Azrié: The Arabic Bible in Context. In: Hjälm M. (ed.). *Senses of Scripture, Treasures of Tradition: The Bible in Arabic among Jews, Christians and Muslims*. Leiden: Brill; 2018. P. 11–57. DOI: [10.1163/9789004347403_003](https://doi.org/10.1163/9789004347403_003).

13. Robin S. *La basmala coranique comme formule chrétienne, un usage méconnu*. 2015. Available at: https://www.academia.edu/12282677/La_basmala_coranique_comme_formule_chr%C3%A9tienne_un_usage_m%C3%A9connu

14. Serikoff N. A new tool for creating subject headings for works in Arabic (project). In: Zaytsev I. (ed.) *Papers abstracts 35TH Melcom International Conference, 27th–29th May 2013, Moscow*. Available at: https://www.melcominternational.org/wp-content/content/past_conf/2013/2013_abstracts.pdf

15. Stroumsa S. *Reshito shel pulmus ha-Rambam ba-Mizrah: Igeret ha-hashtakah 'al odot tehiyat ha-metim le-Yosef ibn Shim'on: ha-ma'or ha-'Arvi shel Risalat al-iskat fi hashr al-amyat ye-nusahah ha-'Ivri*. Jerusalem: Mekhon Ben-Tsevi le-ḥeker qehilot Yiśra'el ba-Mizrah; 1999.

16. Serikoff N. Beobachtungen über die Marginal- und Schnitttitel in christlich-arabischen und islamischen Büchersammlungen. In: Goerke A., Hirschler K. (ed.) *Manuscript notes as documentary sources. (Beiruter Texte und Studien.)* Wuerburg; 2011. S. 163–171.

17. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Literatur*. Bd. 1 (SB 1, SB 2, SB 3). Leiden: Brill; 1943.

18. Ambros A. Beobachtungen zu Aufbau und Funktionen der gereimten klassisch-arabischen Buchtitel. *Wiener Zeitschrift zur Kunde des Morgenlandes*. 1990;80:13–57.

19. Козинцев М. А., Французов С. А. Двухязычная отрицательная рецензия на полях рукописного арабо-христианского трактата по метеорологии. *Письменные памятники Востока*. 2017;14(3):97–104.

20. Serikoff N. *Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. A Descriptive Catalogue of the Ḥaddād Collection (WMS Arabic 401–487)*. Leiden and Boston: Brill; 2005.

21. Serikoff N. (ed.). Polosin Val. V., Polosin Vl. V., Serikoff N. I., Frantsouzoff S. A. *A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic Manuscripts preserved at the St Petersburg Institute of the Oriental Studies. (Oriental Series 4)*. Louvain: Peeters (forthcoming).

22. Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». В: *Типология и взаимосвязь литератур древнего мира*. М.: Наука; 1971. С. 220–224.

23. Долинина А. А. Отражение традиций классической арабской поэзии в диване Джирмануса Фархата, архиепископа Халебского. В: Долинина А. А. *Арабески. Избранные научные статьи*. СПб.: Нестор-История; 2010. С. 100–112.

24. Ahlwardt W. *Verzeichniss der arabischen Handschriften*. Berlin: Publ. A. Asher; 1887–1899.

References

1. Rodionov M. A. Maronites. A page from the ethno-confessional history of the people of the Eastern Mediterranean. Moscow: Nauka; 1982. (In Russ.)

2. Krachkovskii I. Yu. Farhat. In: Krachkovskii I. Yu. *History, language and literatures of the Christian East. A collection of essays*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2015, pp. 217–220. (In Russ.)

3. Krymskii A. E. *History of the Modern Arabic Literature*. Moscow: Nauka; GRVL; 1971. (In Russ.)

4. Graf G. *Der Sprachgebrauch der ältesten christlich-arabischenn Literatur: ein Beitrag zur Geschichte des Vulgär-arabisch*. Leipzig: O. Harrassowitz; 1905.

5. Lentin J. *Recherches sur l'histoire de la langue arabe au Proche-Orient à l'époque moderne*. Thèse de doctorat en Orient Monde Arabe. Paris: Univ. de Paris III; 1997.

6. Lebedev V. V. *Arabic of the Middle Ages and the Modern Times (13th–18th cent.)* Moscow: Nauka; 1977. (In Russ.)

7. Petrova Yu. Linguistic Features of Arab Christian Literature of the Ottoman Period. *The World of the Orient*. 2015;3:49–60. (In Ukr.) DOI: [10.15407/orientw2015.03.049](https://doi.org/10.15407/orientw2015.03.049).

8. Shamurin E. I. *The Organization of the systematical library catalogue* Moscow: Tipo-lit. im. Vorovskogo; 1936. (In Russ.)

9. Serikoff N. I. Why did Ibn an-Nadim compile the Kitab al-Fihrist? In: Sedov A. V. (ed.) *Studies on Arabia and Islam. A collection of Essays presented to Mikhail Piotrovsky*

on the occasion of his 70th Anniversary. Moscow: The State Museum of Oriental Art; 2014, pp. 456–473. (In Russ.)

10. Serikoff N. I. Words with hidden meaning. From the Note-book of Patriarch Makariyus Ibn az-Za'im. *Khristianskii Vostok*. 2002;3:297–307. (In Russ.)

11. Walbiner C. M. Eine christlich-arabische (Um-)Deutung der muslimischen Basmala. In: Koulayan N., Sayah M. (eds.) *Synoptikos. Mélanges offerts à Dominique Urvoay*. Toulouse: CNRS – Université de Toulouse; 2011, pp. 567–572.

12. Treiger A. From Theodore Abu Qurra to Abed Azrié: The Arabic Bible in Context. In: Hjälml M. (ed.). *Senses of Scripture, Treasures of Tradition: The Bible in Arabic among Jews, Christians and Muslims*. Leiden: Brill; 2018, pp. 11–57. DOI: [10.1163/97890004347403_003](https://doi.org/10.1163/97890004347403_003).

13. Robin S. *La basmala coranique comme formule chrétienne, un usage méconnu*. 2015. Available at: https://www.academia.edu/12282677/La_basmala_coranique_comme_formule_chr%C3%A9tienne_un_usage_m%C3%A9connu

14. Serikoff N. A new tool for creating subject headings for works in Arabic (project). In: Zaytsev I. (ed.) *Papers abstracts 35th Melcom International Conference, 27th–29th May 2013, Moscow*. Available at: https://www.melcominternational.org/wp-content/content/past_conf/2013/2013_abstracts.pdf

15. Stroumsa S. *Reshito shel pulmus ha-Rambam ba-Mizrah: Igeret ha-hashtakah 'al odot tehiyat ha-metim le-Yosef ibn Shim'on: ha-maqor ha-'Arvi shel Risalat al-iskat fi hashr al-amyat ye-nusahah ha-'Ivri*. Jerusalem: Mekhon Ben-Tsevi le-ḥeker qehilot Yiśra'el ba-Mizrah; 1999. (In Hebr.)

16. Serikoff N. Beobachtungen über die Marginal- und Schnitttitel in christlich-arabischen und islamischen Büchersammlungen. In: Goerke A., Hirschler K. (ed.) *Manuscript notes as documentary sources. (Beiruter Texte und Studien.)* Wuerburg; 2011. S. 163–171.

17. Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Literatur*. Bd. 1 (SB 1, SB 2, SB 3). Leiden: Brill; 1943.

18. Ambros A. Beobachtungen zu Aufbau und Funktionen der gereimten klassisch-arabischen Buchtitel. *Wiener Zeitschrift zur Kunde des Morgenlandes*. 1990;80:13–57.

19. Kozintcev M. A., Frantsouzzoff S. A. A Negative Review in Two Languages on the Margins of a Handwritten Arab Christian Treatise on Meteorology. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2017;14(3):97–104. (In Russ.)

20. Serikoff N. *Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. A Descriptive Catalogue of the Ḥaddād Collection (WMS Arabic 401–487)*. Leiden and Boston: Brill; 2005.

21. Serikoff N. (ed.). Polosin Val. V., Polosin Vl. V., Serikoff N. I., Frantsouzzoff S. A. *A Descriptive Catalogue of the Christian Arabic Manuscripts preserved at the St Petersburg Institute of the Oriental Studies. (Oriental Series 4)*. Louvain: Peeters (forthcoming).

22. Averintsev S. S. *The Greek literature and the 'litteratura' of the Middle-East In: Typology and Literatures of the Ancient World*. Moscow: Nauka; 1971, pp. 220–224. (In Russ.)

Serikoff N. I. Maronite writer Jibri`il Jarmanus Farhat (1670–1732) and his attempts to include the works of Christian Arab authors in the “virtual catalogue” of Arabic Muslim literature *Orientalistica*. 2020;3(1):143–159

23. Dolinina A. A. The classical Arabic poetry and its traditions as reflected in the *Divan* by Jarmanus Farhat, the Archbishop of Aleppo. In: Dolinina A. A. *The Arabesques*. A collection of selected articles St Petersburg: Nestor-Istoriya; 2010, pp. 100–112. (In Russ.)

24. Ahlwardt W. *Verzeichniss der arabischen Handschriften*. Berlin: Publ. A. Asher; 1887–1899.

Информация об авторе

Сериков Николай Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Nikolaj I. Serikoff, Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow, Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 февраля 2020 г.
Одобрена рецензентами: 24 февраля 2020 г.
Принята к публикации: 25 февраля 2020 г.

Article info

Received: February 2, 2020
Reviewed: February 24, 2020
Accepted: February 25, 2020